

УДК 811.111.1'373

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ *КОНТАМИНАНТ*,
ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО, *НЕОЛОГИЗМ*. ПРИЗНАКИ
КОНТАМИНИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
(на материале английского языка)**

Н.А. Лаврова

Аннотация

Статья посвящена вопросу изучения структуры и семантики смежных групп лексики – контаминантов, окказиональных слов, неологизмов. Предметом исследования выступают языковые и/или речевые особенности функционирования вышеозначенных групп слов. Цель работы заключается в выявлении словообразовательного и семантического сходства и различия между контаминантом, окказиональным словом, неологизмом, а также в установлении лингвистического статуса данных единиц. Проведенное исследование обнаружило функциональную тождественность неологизма и терминологического контаминанта. Было также выявлено, что основным отличием неологизма от окказионального слова и стилистического контаминанта является его принадлежность к сфере языка.

Ключевые слова: контаминант, окказионализм, неологизм, стилистическая маркированность.

Контаминированное слово представляет собой языковое или речевое образование, созданное: 1) по словообразовательной модели стяжения с элементами гапологии (наложением морфов с выпадением общей части – *dramedy* (Лаврова 2009, с. 82), *cinemaelstrom* (Лаврова 2009, с. 59)) или со стяжением морфов; 2) как объединение смыслов или слов, закрепленных за одним фонетическим комплексом, с элементами паронимии или без нее (*pursonality* – *purse* + *personality* (Лаврова 2009, с. 159); *friction* – *fiction* + *friction* (Лаврова 2009, с. 105); *woes* – *woes* + *vows* (Лаврова 2009, с. 193)).

Над проблемой окказионального словообразования работали многие ученые. Наиболее известными определениями окказионализма являются дефиниции Э.И. Ханпиры, А.Г. Лыкова, Т.В. Короля. Приведем некоторые из этих определений.

«Окказиональные слова – это такие неологизмы, которые носят характер единичного (одноразового) явления в языке одного автора и тесно связаны с окружающим контекстом» [1, с. 53].

«Окказиональное слово – это такое слово, которое является речевой единицей, обладающей свойствами невоспроизводимости, синхронно-диахронной диффузности, ненормативности, номинативной факультативности и словообразовательной производимости» [2, с. 19].

«*Окказиональное слово* – это неизвестное языку слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели либо по окказиональной (речевой) модели и созданное как с целью обычного сообщения, обычной номинации, так и с художественной целью. Окказиональным будет и слово, созданное «ex nihilo», слово, созданное не из морфем, а из звуков. Образование окказиональных слов есть окказиональное словообразование» [3, с. 249].

Основным признаком, отличающим окказионализм от неологизма, является то, что неологизм есть явление системное, явление языка, в то время как окказионализм относится к внесистемным явлениям речи. Цель появления неологизма состоит, как правило, в номинации нового понятия, то есть ведущей функцией такого слова становится **номинативная** функция. По своей заданности неологизм предназначен для неоднократного воспроизведения в речи значительным числом людей, то есть для закрепления в языке. Целевая установка автора окказионализма определяется стилистическими задачами создаваемого им текста. Номинативная функция вытесняется на задний план другими – **эстетической** и **поэтической**. Окказионализм не предназначен для воспроизведения в другом контексте; использование окказионализма другим автором носит обычно характер аллюзии на источник заимствования.

Функционирование окказионализма и неологизма в речи происходит в разных подсистемах: **неологизм может быть определен как информема, окказионализм – как прагема**. Таким образом, еще один признак, разграничивающий окказионализм и неологизм, – преобладание у окказионализма прагматических функций, в отличие от неологизма, обладающего в основном информативной функцией.

Выявление сущностных характеристик всех трех групп новообразований возможно провести по дихотомии признаков, сформулированных А.Г. Лыковым:

- 1) принадлежность к речи – принадлежность к языку;
- 2) продуцируемость – репродуцируемость;
- 3) функциональная одноразовость – многократность употребления;
- 4) индивидуальная принадлежность – достояние общества в целом и каждого члена в отдельности;
- 5) производность – непроизводность;
- 6) связь с контекстом – независимость от контекста;
- 7) ненормативность – нормативность;
- 8) экспрессивность – стилистическая нейтральность.

Помимо разграничения между **языком** и **речью**, впервые сформулированного в данных терминах Ф. де Соссюром, двойственность объекта лингвистики, отмечаемая многими лингвистами, нашла выражение в различного рода дихотомических формулах: *ergon* – *energia* (В. Гумбольдт), *схема* – *узус* (Л. Ельмслев), *код* – *сообщение* (А. Мартине, Р. Якобсон), *компетенция* – *употребление* (Н. Хомский) и др. Несмотря на то что перечисленные разграничения не тождественны, все они в конечном счете являются отражением двойственности объекта лингвистики.

Вопрос о соотношении языка и речи в той или иной мере поднимался и до Ф. де Соссюра. Однако именно после опубликования «Курса общей лингвистики» концепция «языка – речи» стала предметом широкого обсуждения.

В настоящее время трудно даже перечислить все точки зрения, не то что привести их подробное изложение. Появилось множество вариантов толкования данной дихотомии, включая сходные трех- и четырехчленные построения. При этом диапазон различий между существующими высказываниями по этому поводу весьма велик. Сам факт разграничения языка и речи до сих пор вызывает полемику. У одних лингвистов язык и речь противопоставлены настолько, что высказывается мнение о необходимости выделения двух самостоятельных научных дисциплин – лингвистики языка и лингвистики речи, другие ученые вообще отрицают обоснованность дихотомии «язык – речь» или аналогичных членений.

Учитывая важность положения о неразрывной связи и взаимообусловленности языка и речи, следует различать **язык как систему** и **речь как реальную манифестацию** этой системы в процессах общения.

Исходя из вышесказанного представляется несомненным тот факт, что стилистические контаминанты (*appetite* – *apple* + *appetite* (‘аппетит к яблокам’); *cinderelative* – *Cinderella* + *relative* (‘родственник, которого эксплуатируют как Золушку’); *lexicographer* – *lax* + *lexicographer* (‘лексикограф, небрежно относящийся к своей работе’) (Лаврова 2009, с. 22, 58, 133)), а также окказиональные слова относятся к явлениям речи, в то время как неологизмы представляют собой языковое явление. При этом под стилистическими контаминантами мы понимаем такие контаминанты, которые не являются нейтральными и не фиксируются в словарных источниках. Именно по этой причине они относятся к явлениям речи. В приведенном выше определении контаминированного слова указано, что контаминанты могут быть и языковыми, то есть системными. Прежде всего это относится к контаминированным терминам (*bionics* – *biology* + *electronics*; *electrocution* – *electricity* + *execution*) и тем контаминантам, которые фиксируются в словарных источниках без указания на стилистическую принадлежность, например *brunch* – *breakfast* + *lunch*.

Существование контаминированных и окказиональных слов в речи подтверждается тем фактом, что все, что есть в языке, имеется и в речи, но не все, что есть в речи, имеется в языке. Строго говоря, в речи нет элементов, которые так или иначе не числились бы в инвентаре языковых средств, но сочетания этих элементов в произведениях речи могут быть и не представлены среди средств языка, то есть получившееся в результате соединения отдельных языковых элементов (морфем) слово может отсутствовать в списке лексических средств языка. Например, в число лексических единиц языка входят слова *ambition* и *ability*, но в нем нет контаминанта *ambility* (Лаврова 2009, с. 18), представляющего собой результат стяжения двух английских слов с последующим усечением морфов. Другой пример: окказиональное слово *afternoony* (Лаврова 2007, с. 31), образованное по довольно продуктивной для английского языка модели $N + y = A$, не является словарной единицей языка, но составные его части, взятые в отдельности, зарегистрированы в инвентаре языковых средств: производящая основа *afternoon* является частью его лексической системы, а суффикс *y* числится в списке его словообразовательных морфем.

Нельзя не упомянуть о теориях, расширяющих дихотомию Ф. де Соссюра путем введения в нее промежуточных звеньев. Проникновение инноваций в язык можно представить в виде следующей четырехчастной схемы: **индивидуальная**

речь – узус – норма – система. Такое поэтапное продвижение в систему языка характерно для всех единиц лексической системы. В сущности, каждое слово в момент своего возникновения может считаться окказиональным, а переходит ли оно в общее употребление или исчезает после единичного использования, становится известным только после испытания временем (общественной апробации). При этом существуют определенные психолингвистические механизмы, способствующие или препятствующие прохождению словом вышеозначенных этапов.

Вначале индивид в ответ на требования момента создает новое слово. Разумеется, авторы подавляющего большинства слов, закрепившихся в словарном составе языка, неизвестны. Второй этап характеризуется проникновением нового слова в речь других людей либо путем их непосредственного общения с творцом слова, либо более опосредованным способом: новое слово может закрепиться и активно употребляться в речи все более расширяющегося круга лиц. Будучи многократно воспроизведенным в бесчисленных индивидуальных актах говорения, оно постепенно становится достоянием всего языкового коллектива, то есть входит в языковую традицию, узус, становится общепринятой формой употребления. Узус понимается в лингвистике как **сложившийся речевой обычай, совокупность навыков, проявляющихся в речевой практике данного языкового коллектива.**

Лексическое новообразование может стать настолько распространенным, что проникает в печать, кино, на радио, телевидение и в конце концов становится предметом лексикографического описания. Регистрация в словаре дает ему «право гражданства» в языке и возводит его в ранг нормативной единицы лексической системы.

Последним этапом, завершающим путь нового слова в язык, является его включение в систему языка. «Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает модели, исторически уже реализованные с помощью этой техники и по этим шаблонам» [4, с. 175].

В лингвистической литературе отражено немало дискуссий по поводу того, единственна ли в своем роде норма или существует целая система норм. Одна точка зрения – это существование одной нормы и множества узусов. Эту точку зрения разделяют М.М. Гухман и Н.Н. Семенюк [5]. Имеет место и другая точка зрения, а именно: существует система норм. Как отмечает Б. Гавранек, «о норме можно говорить по отношению к литературному языку, норма которого более сознательна и обязательна. Но если мы теперь в лингвистике проводим различие между языком как коллективной системой условностей и актуальным говорением, то есть отдельными конкретными языковыми высказываниями (индивидуальными проявлениями), то можно говорить о норме, то есть о совокупности употребляемых языковых средств, и у народного языка, в отличие от конкретных языковых высказываний, где можно констатировать только то, что имеется» [6, с. 339].

Л.А. Вербицкая считает целесообразным говорить о двух типах нормы – реальной, рассматриваемой как «результат действия ряда социальных факторов, связанных с существованием языка в данном языковом коллективе в определенный

период времени», и кодифицированной, «являющейся результатом выбора одним человеком или группой людей тех или иных средств языкового выражения, или, проще, вариантов, в качестве правильных, образцовых, и предписывания их к употреблению» [7, с. 105].

Все обозначенные выше уровни находятся в следующих отношениях. Система языка не есть нечто раз и навсегда данное. В языке нет неподвижности. Словарный состав языка является открытой и наиболее подвижной областью его строя. Все языковое творчество идет через речь. Новообразования впервые возникают именно в индивидуальной речи. При этом возникновение инноваций может быть продиктовано следующими причинами: 1) говорящий может не знать традиционной нормы; 2) в лексической системе может отсутствовать необходимая для выражения его мысли единица; 3) говорящий сознательно игнорирует существующую норму. Во всех трех случаях создается новая лексическая единица в соответствии с возможностями системы. Говорящий образует слово, используя существующую технику и материал. Влияние коллективного узуса проявляется в том, что индивид строит свои высказывания исходя из знания того, как говорят в определенном обществе в соответствии с существующей традицией.

Узус и норма взаимообусловлены. Норма зиждется на узусе, но она же оказывает и обратное воздействие на него, детерминируя употребление языковых форм в коллективе. Природа языковой нормы противоречива. С одной стороны, она характеризуется стабильностью, всеобщей распространенностью, а с другой – изменчивостью. Нарушения и изменения существующей нормы в конечном счете затрагивают и систему языка. «Языковые изменения всегда начинаются и развиваются как “сдвиг” нормы» [4, с. 238].

Итак, язык как система средств выражения и речь как реализация выражения в процессе общения составляют неразрывное единство. Возникая в речи как спонтанные образования *ad hoc*, контаминанты могут закрепиться в языке и таким образом стать частью языковой системы, в этом случае они фиксируются словарными источниками и распознаются носителями языка. В качестве примера можно привести контаминированную лексему *shamateur* (*sham* + *amateur*), возникшую в спортивном сленге и употребляемую в значении ‘a sports player who officially plays for no money, but in fact receives payment’ (LD, p. 1209) (‘спортсмен, который официально играет бесплатно, однако в действительности является профессионалом, работа которого оплачивается’ (перевод наш. – Н.Л.)).

Одно из существенных различий между контаминированными словами, окказионализмами и неологизмами заключается в **продуцируемости** стилистических контаминантов и окказионализмов («творимости», по терминологии А.Г. Лыкова) и **репродуцируемости** неологизмов ввиду их принадлежности к языковой системе.

Контаминированная и окказиональная лексика обладает свойством **функциональной одноразовости**, неологизм же предполагает **многократность использования** в речи. Действительно, большинство стилистических контаминантов и окказионализмов, возникнув однажды, в дальнейшем не употребляются. Однако заметим, что одноразовость их употребления не является их абсолютным признаком. В проанализированном материале некоторые контаминированные и окказиональные слова встречаются в произведениях двух или трех разных

авторов (среди контаминантов – *alcoholiday, blund, apartmate* (Лаврова 2009, с. 16, 22, 29); среди окказионализмов – *big-nosed, afternoony, thiny* (Лаврова 2007, с. 40)), некоторые – в произведениях одного и того же автора. По всей видимости, эти два случая необходимо различать. «Употребление одного слова разными авторами может рассматриваться либо как независимое, в каждом случае самостоятельное, либо как показатель начального этапа вхождения данной единицы в лексическую систему, то есть начало перехода контаминанта или окказионализма в узуальное слово может сигнализироваться фактом его употребления в текстах разных авторов, хотя большинству говорящих на данном языке их использование не свойственно. В случае употребления в одном или ряде произведений одного и того же автора наблюдается намеренное повторение удачно созданного слова, то есть его репродуцируемость. Эта воспроизводимость, однако, является индивидуальной, а не коллективной и не свидетельствует о вхождении слова в языковую систему» [8, с. 68].

Таким образом, свойство продуцируемости следует, видимо, отнести к числу релевантных признаков контаминанта и окказионализма, а свойство функциональной одноразовости считать факультативным.

Как следствие продуцируемости в речи и (в большинстве случаев) функциональной одноразовости, окказионализмам и стилистическим контаминантам присуще свойство **закрепленности за определенным автором**. Наглядное свидетельство тому – индивидуальные образования, ставшие впоследствии достоянием всего языкового коллектива. Так, в английском языке слова *snob, snobbism* впервые употребил У. Теккерей; слово *Lilliput* – изобретение Дж. Свифта; слова *chortle* и *galumph* созданы Л. Кэрроллом.

В то же время, если контаминированное или окказиональное слово переходит в коллективное употребление, оно характеризуется репродуцируемостью и утрачивает признак индивидуальной принадлежности.

Признак **словообразовательной производности** не является обязательным ни для одной из анализируемых групп слов. Под словообразовательной производностью мы понимаем соотнесенность лексемы с такой моделью образования новых слов, при которой к основе слова прибавляется аффикс. Поясним, что существует и другое, более широкое понимание производности, в соответствии с которым *любое новое слово* является производным. Такое понимание производности находим, в частности, у Е.С. Кубряковой [9]. В рамках настоящей работы, однако, с целью избежать терминологической путаницы мы будем придерживаться первого, более узкого понимания производности, не распространяя его на понятия словосложения, конверсии, сокращения основ и т. д.

Материал английского языка показывает, что существуют как производные, так и непроизводные контаминанты (*hintimation* – *hint* + *intimation* (PD, p. 71), *stable* – *unlikely to change + a place for keeping horses* (Лаврова 2007, с. 41)); как производные, так и непроизводные окказионализмы (*sorry-eyed, sharky-looking, policey, shwoosh eruption, to go kerwhonk* (Лаврова 2007, с. 41)); как производные, так и непроизводные неологизмы (*accessorize, nylon, chat* (Лаврова 2007, с. 41)).

Не все лингвисты рассматривают **связь с контекстом** как релевантное свойство контаминированной и окказиональной лексики. Так, в работах М.С. Ретунской [10], М.У. Калниязова [11] связь с контекстом рассматривается как факультативное.

тативный признак и утверждается, что для многих контаминантов и окказионализмов характерна ясность значения вне контекста и без знания речевой ситуации. Приведем некоторые примеры: *moneymoon* – *money* + *honeymoon* ('дорогой медовый месяц'); *the Newseum* – *news* + *museum* ('интерактивный музей новостей и журналистики в Вашингтоне'); *monokini* – *mono* + *bikini*: ('бикини без верха'); *needcessity* – *need* + *necessity* ('острая необходимость в чем-либо') (Лаврова 2009, с. 145, 147, 148). Действительно, данные контаминанты не представляют трудности для понимания и вне контекста.

Однако встречаются и более сложные случаи, когда в одном звуковом облике семантически соединяются два разных по звучанию и написанию слова. В таком случае знание контекста употребления является единственным условием дешифровки скрытого смысла, например: *finnishing the war* – *Finnish* + *finish*: "At some point in the next few days, somewhere in Finland, representatives of the Indonesian government and the Free Aceh Movement will meet to discuss a ceasefire" («В ближайшее время в Финляндии встретятся представители правительства Индонезии и свободного движения "Aceh" с целью проведения переговоров о прекращении огня» (перевод наш. – *Н.Л.*) (FW); *social graph-iti* – *graph* + *graffiti*: "A new fad is sweeping across Silicon Valley, causing excitement, confusion and hyperbole not seen since the dotcom bubble. It began in may, when Mark Zuckerberg, ten days after turning 23, took the stage in a San Francisco warehouse and announced that he was opening up Facebook, the social network he founded at Harvard University, to outside programmers. Anyone can now build little programs, or "widgets", into the network. To illustrate his idea, Mr. Zuckerberg projected onto the wall behind him a "social graph" – a pattern of nodes representing Facebook users and links among them" («Новая фантазия охватила Кремниевую долину, вызвав волнение, замешательство и волну энтузиазма, не виданные со времен доткомовского бума. Все началось в мае, когда 23-летний Марк Цукерберг выступил в Сан-Франциско с заявлением о намерении сделать созданную им социальную сеть Facebook доступной внешним программистам. Теперь любой пользователь сможет встроить свою небольшую программу в систему. Для иллюстрации своего проекта М. Цукерберг спроецировал на стену так называемый «социальный граф» – таблицу, схематично представляющую пользователей сети и систему связей между ними» (перевод наш. – *Н.Л.*) (SG).

Решение вопроса о релевантности связи с контекстом зависит от того, что подразумевается под данным признаком: 1) невозможность выведения значения слова без опоры на контекст или 2) тесная связь, привязанность к контексту, породившему данный контаминант или окказионализм, невозможность функционирования в других контекстах. Очевидно, что именно первое толкование понятия «связь с контекстом» вызывает бурную полемику относительно выводимости или невыводимости из контекста значения контаминанта и окказионализма. В настоящем исследовании отдается предпочтение второму пониманию данного признака как более широкому.

В отношении значения неологизма можно утверждать, что, будучи языковым, а не речевым явлением, он «прозрачен» для понимания и вне контекста, взятый изолированно.

Еще одним из существенных признаков контаминанта и окказионализма является их **ненормативность**. Что касается неологизмов, то они обладают свойством **нормативности**, поскольку фиксируются лексикографическими источниками, являются частью языковой системы и подвержены процессу кодификации.

Языковые средства, находящиеся в пользовании социальной группы, со временем утрачивают выразительность, обесцвечиваются. Ставшие привычными, языковые формы не вызывают у адресата прежней реакции, поскольку всякая выразительность строится на необычности, неожиданности. Контаминированные и окказиональные слова, в отличие от неологизмов, характеризуются уникальностью, нетипичностью, выходят за рамки привычного в лексике. Именно этим обусловлена такая важная черта стилистического контаминанта и окказионализма, как **экспрессивность**.

Итак, в настоящей статье были проанализированы основные свойства контаминированного слова современного английского языка посредством сравнения контаминанта и таких смежных групп лексики, как окказиональные слова и неологизмы. Контаминант может являться как окказиональным словом, так и неологизмом в зависимости от семантики и стилистических характеристик: в случае если возникновение контаминанта обусловлено появлением новой реалии, речь идет о терминологическом контаминированном неологизме (например, *humidor* – *humid* + *corridor* ('помещение с высокой влажностью, предназначенное для хранения табака и сигар') (OBW, p. 281); *slancket* – *sleeve* + *blanket* ('одеяло с рукавами') (SB); *glitten* – *glove* + *mitten* ('варежка-перчатка') (UD)); если же контаминант возникает на страницах периодики, в художественной литературе, в рекламном дискурсе, то есть является авторским образованием и характеризуется стилистическими коннотациями, он является окказиональным, некодифицированным и, соответственно, не фиксируется словарями общеупотребительной или неологической лексики.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- терминологический контаминант является по определению неологическим, так как его появление обусловлено возникновением новой реалии, он фиксируется либо общезыковыми, либо специальными словарями и обладает денотативным значением (лишен коннотаций);
- как и окказиональные слова, стилистические контаминанты обладают свойствами функциональной одноразовости, тесной связи с контекстом, продуцируемости, экспрессивности и ненормативности.

Summary

N.A. Lavrova. On the Relation between Contaminated Words, Occasional Words and Neologisms. Earmarks of Contaminated Words (on the Material of the English Language).

The article deals with the problem of studying the structure and semantics of such inter-related lexical groups as contaminated words, occasional words, and neologisms. It investigates the language and speech earmarks of the above-mentioned word layers. The main objective lies in pinpointing word-building and semantic affinity as well as difference between contaminated words, occasional words and neologisms, and clarifying their linguistic status. The carried out research revealed functional identity of neologisms and contaminated words.

It was also shown that the main difference of a neologism from an occasional word and a stylistic contaminated word lies in its belonging to the sphere of language.

Key words: contaminated word, occasional word, neologism, stylistic markedness.

Источники

- Лаврова 2007 – Лаврова Н.А. Структурно-семантические и функциональные аспекты контаминации: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 227 с.
- Лаврова 2009 – Лаврова Н.А. Англо-русский словарь. Современные тенденции в словообразовании. Контаминанты. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 208 с.
- FW – Finishing the War // The Economist. – 2005. – January 27. – URL: <http://www.economist.com/node/3600224>.
- SG – Social graph-iti // The Economist. – 2007. – October 18. – URL: <http://www.economist.com/node/9990635>.
- LD – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Longman, 1993. – 1528 p.
- OBW – Oxford Better Wordpower. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – 329 p.
- PD – Portmanteau Dictionary. Blend Words in the English Language, Including Trademarks and Brand Names. – Jefferson, North Carolina and London: McFarland & Company, Inc. Publ., 1993. – 174 p.
- SB – The Slanket Blanket. – URL: <http://www.theslanket.com/>.
- UD – Urban Dictionary. – URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=glitten>.

Литература

1. *Король Т.В.* Окказиональные сложные существительные в современном немецком языке (на материале произведений Э. Штриттматера): Дис. ... канд. филол. наук. – Рига, 1967. – 265 с.
2. *Лыков А.Г.* Русское окказиональное слово: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1972. – 531 с.
3. *Ханцира Э.И.* Окказиональные элементы в современной речи // *Стилистические исследования.* – М.: Наука, 1972. – С. 245–317.
4. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // *Новое в лингвистике.* – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.
5. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка // *Норма и социальная дифференциация языка.* – М.: Наука, 1969. – С. 5–25.
6. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // *Пражский лингвистический кружок.* – М.: Прогресс, 1967. – С. 338–377.
7. *Вербицкая Л.А.* Вариантность нормы и типы произнесения // *Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы.* Межвуз. сб. науч. тр. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1997. – Вып. 3. – С. 105–114.
8. *Нухов С.Ж.* Семиологические аспекты окказионального словообразования современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 168 с.
9. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

10. *Ретунская М.С.* Английское окказиональное словообразование (на материале имен существительных и прилагательных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Горький, 1974. – 21 с.
11. *Калниязов М.У.* Окказиональные и потенциальные слова в языке современной периодики (Суффиксальные имена существительные): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 166 с.

Поступила в редакцию
02.12.09

Лаврова Наталия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

E-mail: lavruscha@gmail.com